

Л. Н. Столович

ЭМИГРАЦИЯ В ЭСТОНИЮ

**Отрывок из книги «Kohtumised elu radadel»
[Встречи на тропах жизни]. – Tallinn: “ILO”, 2006.**

Расставание с родным для меня городом не была «охота к перемене мест». В июне 1952 года я окончил философский факультет Ленинградского университета. Я не стремился быть «отличником», но учеба стала для меня основным занятием, своеобразным отвлечением от жуткой обстановки на философском факультете, и, наверно, поэтому в течение пяти лет у меня не было ни одной «четверки» ни по одному предмету. И вот в моих руках диплом «с отличием». Был я не единственным «отличником», но одним из немногих. Но уже во время учебы на последнем курсе начали предприниматься меры, чтобы ни аспирантура, ни работа по специальности – преподавателя диалектического и исторического материализма, а также истории философии – мне не грозили.

Я понимал, что работа по этим специальностям была невозможна без членства в партии. Для того, чтобы в нее попасть, нужно было получить комсомольскую рекомендацию. Таковая давалась через прохождение многих инстанций: от собрания группы до райкома комсомола. Потом нужно было проходить соответствующие партийные инстанции. Всего инстанций было 11. Помимо того, что я вполне прилично учился, я занимался и так называемой «общественной работой»: помогал иностранным студентам в освоении ими математики (правда, на мою беду, это были югославские студенты, покинувшие СССР после разрыва Сталина с Тито), много сил отдавал СНО (Студенческому научному обществу) и даже был заместителем председателя СНО факультета. Был и проффоргом группы. Но я не одолел и первую инстанцию: группа по явной подсказке сверху отклонила мое прошение о рекомендации, сославшись на то, что как профорг я был не на высоте. Тогда я поставил работу профорга на такую высоту, на которой она никогда не стояла, и наивно опять подал заявление. Группе, что называется, нечем было крыть, и она допустила меня ко 2-ой инстанции – комсомольскому бюро курса. И вот тут-то я потерпел окончательное фиаско: бюро уличило меня в политическом преступлении, а именно в том, что я скрываю свою национальность.

В этом уличении университетское руководство и органы внутренних дел проявили удивительную согласованность своих действий. Как раз в тот день, когда я должен был идти на заседание бюро курса, с утра меня вызывают в отделение милиции. Вижу в руках допрашивающего меня лейтенанта бумагу с университетским бланком. Милиционер требует у меня паспорт и в соответствии с этой бумагой задает мне серию вопросов, начиная с такого: «Почему Вы скрываете свою национальность?».

Когда в 1945 году я впервые получал «краснокожую паспортину», паспортистка из домоуправления меня спросила, какую национальность записать мне в паспорт. Я и не помышлял о том, чтобы скрывать то, что и отец, и мать были у меня евреями, да и сама паспортистка об этом хорошо знала. Но, видимо, она считала, что национальность определяет не кровное родство, а самосознание человека, тем более, что в то время, в год победы над фашизмом, еврейский вопрос в Стране Советов еще переживал свой «инкубационный период». Шестнадцатилетний юнец долго не рассуждал. Он писал стихи на своем родном русском языке, чувствовал свою причастность к русской культуре, не знал, как

и его обрусевшие родители, ни одного еврейского языка, и, коль скоро ему дали свободу выбора, записал себя «русским». Вместе с тем, никогда и никого я не пытался обмануть относительно своего еврейского происхождения, ни своей внешностью, ни утверждением того, что у меня родители евреями не являются. Последнее обстоятельство меня и спасло: меня нельзя было обвинить в том, что я утаиваю свои национальные корни.

Все мои теоретические ссылки на ленинско-сталинское учение о нации как не биологической, а социально-исторической общности людей и, следовательно, право определять свою национальность не по биологическому происхождению, на милицию не произвели никакого впечатления. В ответ на все эти рассуждения студента философского факультета милицейский лейтенант высказал неколебимое убеждение в виде ироническо-риторического вопроса: «Что же это, от морковки может родиться не морковка?!» Но юридически он был прав. Советская паспортная система, не зависимо от официального проповедуемого марксистско-ленинского учения о нации, была расистской. По этой системе национальность в паспорте требовалось писать по одной из национальностей родителей. Это очень помогло немецким фашистам устанавливать, кому прямая дорога на расстрел или в газовую камеру. Советским же расистам это позволяло без особого труда распознавать «безродных космополитов» и «сионистов». Полукровок эта система тоже не спасала, т. к. можно было заглянуть в паспорта их пап или мам.

После того, как моя паспортная форма пришла в полное соответствие с моим национальным содержанием, университетское начальство уже смело могло со мной не церемониться. О какой аспирантуре для выявленного еврея могла идти речь в 1952 году, будь он хоть трижды сверхотличником?! Впрочем, уже и в 1950 году семь пядей во лбу уже были ничто по сравнению с 5-м пунктом. Для будущего всемирно известного ученого *Юрия Михайловича Лотмана*, к тому же еще фронтовика, окончившего филологический факультет университета, носившего имя Жданова, в 1950 году, аспирантура и работа по специальности в Ленинграде были заказаны. Но в этом году он еще мог, переехав в Тарту, устроиться на работу в Учительском институте. Там же в том же году нашел пристанище в качестве лаборанта и *Рэм Наумович Блюм*, окончивший философский факультет на два года раньше меня, но также вынужденный покинуть Ленинград.

Я на распределительной комиссии не настаивал на том, чтобы мне дали работу в моем родном городе, будучи готовым выехать в любую часть страны, но для работы по полученной мной специальности. Такой части страны, как мне заявили на комиссии, нет, и мне дали то, что называется «свободный диплом». В положении нераспределенного оказался не я один и ромб университетского значка называли в то время: «ищу работу». В Ленинграде было более 40 вузов и в каждом из них преподавались общественные дисциплины. Звоню в каждый из них и спрашиваю о вакансии. В некоторых из них они были. На вопрос, нужен ли вам преподаватель по этим дисциплинам, отвечали положительно. Потом следовал контрвопрос: «А как Ваша фамилия?» Называю. Ответ: «Нет, преподаватель не нужен». И так было много раз.

Рассылаю письма-запросы по разным городам, особенно туда, где имеются вузы искусств, в которых введен специальный курс эстетики, а также в провинциальные университеты, где тоже должна преподаваться эстетика. Предмет этот новый. Преподавателей нигде специально не готовили. Я же занимался эстетикой все годы обучения в университете. В последний год моей учебы пришедший на факультет новый декан *Василий Петрович Тугаринов* дал мне даже справку, что я могу преподавать эстетику. На свои запросы получил 4 приглашения прислать документы: два в Ташкент и по одному в Кишинев и во Львов. Посылаю. Ответ отрицательный.

Я уже полгода полностью безработный. Нигде не дают прочесть ни одной лекции, даже там, где, точно знаю, такие лекции нужны, как, например, в Художественно-промышленном училище им. Мухиной или в Театральном институте. Мой друг поэт и искусствовед Лев Мочалов предлагает такой план: я вступаю в секцию критики и искусствоведения Ленинградского отделения Союза художников и уже как член ЛОСХа

смогу проводить какие-либо городские экскурсии. На секции делаю даже доклад о текущей выставке Ленинградских художников... Но на сотню моих запросов о возможности преподавать эстетику один оказался положительным: Тартускому университету требовался курс эстетики для искусствоведческого отделения, правда, всего на 36 часов и на один семестр.

Хватаюсь за эту соломинку. С февраля 1953 года читаю свой первый курс лекций. Слушателей немного. Они плохо владеют русским языком, но принимают хорошо. Однако на оплату 36-и часов прожить невозможно. Я снимаю угол у одной старушки. И на помощь мне приходят коллеги. В Тарту в то время, помимо знаменитого университета, был еще филиал Эстонского художественного института. *Рэм Блум* читает там курс философии по часовой оплате. Он передает этот курс мне. Эстетику и историю искусства в этом филиале читает, приезжая из Таллинна, *Борис Моисеевич Бернштейн*, которого я знал еще в студенческие годы по кружку эстетики при отделении искусствознания. Борис передает мне свой курс эстетики в Тарту. Теперь у меня набирается количество лекционных часов, на плату за которые уже можно существовать. Моя мечта – устроиться где-нибудь хотя бы лаборантом, читать лекции и готовить диссертацию. Но мечта оказывается неосуществима: меня никуда не хотят зачислить в «штат» и я продолжаю оставаться безработным, хотя и читаю лекции «по часовой оплате».

Сталин умер 5 марта 1953 года. 4-го апреля освободили «врачей-убийц». Казалось бы, теперь можно было бы лицу еврейской национальности получить постоянное место работы. Еще питаю надежду вернуться в Ленинград. Посылаю документы на конкурс в несколько вузов и проваливаюсь. В Тарту обстановка своеобразная. Среди эстонцев нет бытового антисемитизма, хотя во время немецкой оккупации Эстония первая рапортовала Гитлеру о том, что ее территория «judenfrei», т. е. «свободна от евреев». Ректор Тартуского университета, бывший ленинградец, *Федор Дмитриевич Клемент* был чужд антисемитизма. Ведь это он единственный пригласил меня читать курс эстетики. Его, прежде всего, интересовала профессиональная подготовка допускаемых к лекциям преподавателей, и он заручался неофициальными их рекомендациями. Он попросил неофициальные характеристики-рекомендации знающих меня ученых. Должен сказать, что далеко не все из них осмелились на этот шаг. В моем личном деле в Тартуском университете до сих пор хранятся две таких характеристики: *Моисея Самойловича Кагана* – в то время старшего преподавателя Ленинградского университета – и *Виктора Андрониковича Мануйлова*, подписанная 21 января 1953 г., т. е. через неделю после официального объявления об аресте врачей – «убийц в белых халатах».

Но Ф.Д. Клемент, напуганный репрессиями предшествующих времен (в них погибло множество эстонцев, живших в СССР) и скрывавший, что его родной брат живет в Англии, очень боялся партийного начальства. Оно-то было настроено вполне антисемитски. Ни смерть Сталина, ни реабилитация еврейских врачей ему не указ. И Клементу приходилось под них подстраиваться, хотя он вел себя как «порядочный человек», который, по определению, Михаила Светлова, «делает гадости с отвращением». В штат меня ни под каким видом брать не хотели, но лекции читать давали. Притом, в университете – только по эстетике. К кафедре философии не подпускали до 1956 года. В тоже время лично ко мне Федор Дмитриевич относился благосклонно, дарил кое-какие книги и даже изредка приглашал домой.

Несмотря на все эти моральные и бытовые трудности (а может быть и благодаря им), в 1955 году в Ленинградском университете я защитил кандидатскую диссертацию по философии «Некоторые вопросы эстетической природы искусства». В следующем году в журнале «Вопросы философии» была опубликована моя статья «Об эстетических свойствах действительности». После защиты диссертации человек высшей порядочности – *Борис Федорович Егоров*, возглавлявший тогда кафедру русской литературы, дал мне полставки на своей кафедре для чтения студентам-русистам введения в литературоведение и теории литературы. Вот где пригодилось мое поэтическое прошлое! Чтобы продолжать работу на

кафедре, хотя бы на полставки, я должен был пойти на конкурс. Ученый совет факультета меня провалил.

Так я оказался в Эстонии, где все-таки меня допускали читать лекции. Покидать город своего детства, отрочества и юности было нелегко, но Тарту, в котором я прожил уже полвека – две трети моей жизни – стал мне очень близок. Однако Ленинград, опять ставший Санкт-Петербургом, который я больше называю Питером, люблю больше всех городов мира. В каждой из трех комнат моей тартуской квартиры находится то, что мне напоминает город на Неве. В одной комнате – цветная литография А.П. Остроумовой-Лебедевой по ее акварели 1929 года (года моего рождения) «Летний сад в июне», изображающая со стороны Летнего сада Фонтанку и Михайловский замок. В другой комнате – гравюра, лаконично воспроизводящая с другой стороны Невы Петропавловский Собор. В третьей – черно-белая гравюра на линолеуме О. Почтенного «Мойка», на которой на фоне лунно-ночного неба проглядывает силуэт Юсуповского дворца, куда я ходил в литературный кружок В.А. Мануйлова. Питерский дом смотрят на меня из подаренного мне офорта Валентина Левитина. Перед моим письменным столом стоит золотая надпись, основательно сделанная на коричневом фоне стеклянной пластинки:

ОТЛИЧНАЯ КВАРТИРА ПО ВЗНОСУ КВАРТИРНОЙ ПЛАТЫ

Это смешное проявление советского бюрократизма я свинтил с двери 35-ой квартиры на Майорова 47 после того, как лишился драгоценной ленинградской прописки. Единственная моя правительственная награда – **«Медаль за оборону Ленинграда»**. Можно было бы дать и другую – **«Медаль за освобождение Ленинграда... от евреев»**.

Моя мама часто повторяла слова: «Всё, что ни делается, делается к лучшему». Не знаю, как вообще, но в моей судьбе это было так. Эта судьба также подтверждает старую диалектическую поговорку: «Нет худа без добра». Действительно, паспортное разжалование меня в еврей, а затем и явная дискриминация меня в качестве такового, на многое мне раскрыла глаза.

Более либеральная ситуация в Эстонии, чем в других республиках Советского Союза по отношению к евреям, привела в Тарту в начале 50-х годов несколько человек, главным образом, из Ленинграда, – «инвалидов пятого пункта», как потом говорили. Это был *Юрий Михайлович Лотман* и его жена – *Зара Григорьевна Минц*, политэконом *Михаил Лазаревич Бронштейн*, ставший впоследствии академиком Академии наук Эстонии, философ *Рэм Наумович Блюм*, филологи *Павел Семенович Рейфман* и его жена *Лариса Ильинична Вольперт* – Международный гроссмейстер и трижды чемпион СССР по шахматам, экономист *Виктор Файнштейн*, умудрившийся окончить закрытый для евреев Институт международных отношений и сосланный в Тартуский архив. К ним присоединился и Ваш покорный слуга.

Все перечисленные лица стали докторами наук и профессорами, но никакого еврейского братства не существовало, несмотря на все попытки компетентных органов раскрыть в Тартуском университете сионистский заговор. Мы были, конечно, знакомы между собой, но больше общались и дружили с коллегами по специальности, а не по национальной принадлежности. С местными эстонскими евреями были почти незнакомы, за исключением тех случаев, когда их интересы (не национальные!) пересекались с приезжими. Так, приехавшие в Тарту филологи и я дружески общались с математиком и шахматным композитором *Яковом Абрамовичем Габовичем*. Мой друг таллиннский искусствовед *Борис Моисеевич Бернштейн*, также занесенный антисемитским ветром в Эстонию, дружил со специалистом по эстонскому искусству *Лео Генсом* – сыном известного еще в первой Эстонской Республике коллекционера и мецената эстонских художников *Юлиуса Генса*, затравленного советской властью. Только после перестройки, в конце 80-х годов возникнет Еврейская община Эстонии, организационно объединившая как эстонских, так и русских евреев.

Никакими специфически еврейскими делами мы не занимались, но нас периодически вызывали в партком перед каждым очередным международным конгрессом сионистов и требовали, чтобы мы писали письма протеста. Не желая ставить под угрозу наше положение в университете, мы письма писали, но такие, которые посылать было невозможно (мы осуждали всякий национализм, в том числе и антисемитский). Партийное начальство сердилось, даже очень, но довольствовалось нашей внешней лояльностью. Но вот когда в «Комсомольской правде» 4 октября 1967 года, после шестидневной войны Израиля, появилась злобная антисемитская статья «Лакеи на побегушках», написанная *Е. Евсеевым*, ставшим впоследствии одним из ведущих идеологов черносотенной организации «Память», мы сами взяли за перо. Правда, письмо протеста подписали не только *М.Л. Бронштейн*, *Р.Н. Блюм*, *Ю.М. Лотман*, *Л.Н. Столович*, но и эстонцы – химик *Виктор Пальм* и математик *Юло Каазик*, физик польского происхождения *Чеслав Луцик*, русские – историк *Иван Волков* и директор школы рабочей молодежи *Анна Архипова*. В ответ редакция «Комсомольской правды» написала на всех подписантов донос в Тартуский горком КПСС. Горком отправил донос на расследование ректору *Ф.Д. Клементу*. Последний, установив, что текст письма написал профессор *Виктор Пальм*, а евреи его только подписали, никакого хода доносу не дал.

Еще во времена советской власти ходил такой небезопасный анекдот. В детском саду воспитательница утром спрашивает детей, что у них произошло нового. Один мальчик, скажем Петя, восклицает: «А у нас кошка родила пять советских котят!» Прошло несколько дней и воспитательница опять задает вопрос, что у ребят случилось нового. И Петя бодро на него отвечает: «А у нас кошка родила три советских котенка!» «Постой, постой! – уличает его воспитательница. – Ты же четыре дня назад говорил, что ваша кошка родила пять советских котят!». «Говорил, – соглашается Петя, – но два уже прозрели!»

Не скажу, что я сразу прозрел окончательно. Как не ненавистна была мне обстановка на философском факультете, но учиться приходилось по существовавшим программам и совковость внедрялась в сознание всем образом жизни и окутывавшей ею пропагандой. Но в день смерти Сталина я не плакал и антисталинистом стал еще до доклада Хрущева XX съезду. И хотя я читал студентам университета с 1956 года диалектический материализм, а предмету «Эстетика» в расписании добавлялся эпитет «марксистско-ленинская», мои лекции не были кондово-советскими, что вызывало недовольство партийного начальства. Эстетические же мои воззрения – социокультурная концепция эстетической ценности – не были ортодоксальными, и я отстаивал их в спорах со многими оппонентами и недоброжелателями, называвшими меня «субъективистом» и даже «вождем субъективизма в эстетике», «антимарксистом» и «противником ленинской теории отражения». Такая позиция, с другой стороны, вызывала симпатию со стороны творческой эстонской молодежи. Я стремился помочь ей по мере своих сил.

Дорога на кафедру философии Тартуского университета для меня была наглухо закрыта как для беспартийного. *Ф.Д. Клемент* пристроил меня как почасовика на кафедре истории СССР, поскольку отделение истории искусства, на котором я должен был читать курс эстетики, было прикреплено к этой кафедре. Заведующей кафедрой истории СССР был кандидат исторических наук *Хильда Моосберг*, присланная из Ленинграда как национальный кадр.

В эти годы все местные эстонцы были под подозрением, и руководящие посты доверяли только эстонцам, жившим в Советском Союзе за пределами Эстонии. Некоторые из них, как ректор *Ф. Клемент*, проявили себя достойно и оставили о себе добрую память, способствуя развитию эстонскому образованию и культуре. О *Хильде Моосберг* я этого сказать не могу. Малокультурная, но с большими амбициями, она сделала «научную карьеру», если так можно сказать, на костях руководителей Эстонской компартии *Анвельта* и *Пёгельмана*, расстрелянных в СССР. Их она обвиняла в своей докторской диссертации в поражении революционного движения в 1905 в Эстонии и клеймила как троцкистов. Прикрепленный к кафедре *Х. Моосберг* я испытал на себе ее лицемерие. Она ходила на мои

лекции по эстетике и хорошо о них отзывалась. Более того, она со мной, можно сказать, юнцом, только что окончившим университет, консультировалась по проблемам культуры. Я был искренне благодарен ей за внимание, пока не узнал, что она писала доносы в партком не только на меня, но и на Ф. Клемента, который пригласил в университет какого-то проходимца. Вскоре я понял, что «ларчик просто открывался»: дочка Х. Моосберг Нелли, моя ровесница, поступила в аспирантуру на кафедру философии и ее мама усмотрела во мне конкурента. Нелли аспирантуру не смогла завершить, но была зачислена, в отличие от меня, в штат кафедры, на которой потом многие годы преподавала «Основы научного атеизма».

Мое положение работающего безработного, т. е. лектора, не включенного ни в какой штат и потому не имеющего трудовой книжки, усугублялось всякого рода инсинуациями. Профессор Вольдемар Вага, читавший группе искусствоведов все курсы по истории искусства, с подозрением смотрел на приехавшего из Ленинграда преподавателя, читавшего марксистскую эстетику. Много лет спустя, в возрасте 96 лет, в беседе с журналистом В. Вага, объясняя свою нелюбовь к евреям, говорил: «Ja Leonid Stolovitš. Tuli siia juurutama sotsialistikku esteetikat... Igastasjast võib kirjutada, kui sul on marksistlikud hoburauad. Marksistski podkovan» („Eesti Ekspress“, Nr 25 (290) 30 juuni 1995). Могу понять нелюбовь, которую В.Вага через всю свою долгую жизнь пронес к марксистской эстетике, не имея о ней никакого объективного представления. Он знать не знал, что в самой марксистской эстетике были разные направления, а ненавистный ему Leonid Stolovitš с точки зрения официальной марксистско-ленинской эстетики характеризовался как субъективист-антимарксист. Правда, когда профессору Ваге потребовался мой отзыв на его статью «Средневековые укрепления города Риги», он в письме ко мне 23 апреля 1960 года писал: *«Вы являетесь единственным преподавателем университета, знающим толк в искусстве»*. На своей старой книге «Eesti kunst» В.Вага 21 июня 1974 года сделал такую надпись: *«Профессору Леониду Наумовичу Столовичу на добрую память»*. К сожалению, память осталась не только доброй.

Ф. Клемент из лучших чувств ко мне советовал мне не ходить к Блюму домой, так как его информировали о том, что там собирается «сионистская компания». Мне пришлось доказывать нелепость этой информации, поскольку сам Блюм – непримиримый противник всякого национализма, а собирающаяся у него компания, не говоря уже о его жене Анне Александровне Архиповой, в основном состоит из русских, украинцев и эстонцев. Был подан на меня также донос, что я... – югославский шпион, поскольку за одним застольем в 1953 году неосторожно сказал девушке – секретарю обкома комсомола (тогда Тарту числился областным центром), что в студенческие годы дружил с югославским студентом, помогая ему, бывшему партизану, в занятиях по математике.

Моей мечтой было получить должность хотя бы лаборанта и читать лекции пусть даже по часовой оплате. Но на штатное место лаборанта меня не брали ни в университете, ни в Эстонской сельскохозяйственной академии. Лекции читать по эстетике допускали. Когда я в 1955 году стал кандидатом философских наук, вторым в городе после заведующего кафедрой философии О. Юриса, мне давали и в университете читать лекции по философии. Однажды вызвали в горком партии, чтобы утвердить в праве вести занятия по философии. И утвердили, но только не в качестве штатного преподавателя, а ведущего занятия по часовой оплате. Личное расположение ко мне О. Юриса, который с удовольствием со мной выпивал (он вообще любил это дело), никакого значения не имело. Только с 1956 года – года разоблачения культа личности Сталина на XX съезде партии – меня зачислили в штат кафедры философии в качестве старшего преподавателя, тем более, что с этого года курс философии был введен для студентов всех факультетов и кафедра нуждалась в преподавателях.